

пытныя сопоставленія, указывающія, что поэма, какъ мы знаемъ ее теперь, сначала имѣла какъ будто въ основаніи иной поэтической замысль, оставшійся невыполненнымъ. Анненковъ уже дѣлалъ предположенія объ этомъ, сличая „Мѣднаго Всадника“ съ „Родословной моего героя“ и „Моей родословной“. Очевидно, что безымянный герой поэмы есть тотъ же Езерскій и даже болѣе, тотъ же Пушкинъ: „родовъ униженныхъ обломовъ... бояръ старинныхъ я потомокъ“. Г. Спасовичъ прибавляетъ сюда напечатанное позднѣе (1884) извѣстіе князя П. П. Вяземскаго, что существовалъ, кромѣ того, цѣлый монологъ героя, уже не находящійся въ нынѣшней формѣ поэмы: „неизгладимое впечатлѣніе произвелъ монологъ обезумѣвшаго чиновника передъ Мѣднымъ Всадникомъ, содержащій около тридцати стиховъ. Не вѣрится, чтобы онъ не сохранился въ цѣлости. Въ бумагахъ моего отца монолога не сохранилось, весьма можетъ быть, потому, что въ немъ слишкомъ энергически звучала *ненависть къ европейской цивилизаціи*. Мнѣ все кажется, что великолѣпный монологъ таится, вслѣдствіе какихъ-либо тенденціозныхъ соображеній, ибо трудно допустить, чтобы изъ всѣхъ людей, слышавшихъ проклятые, никто не попросилъ Пушкина дать списать эти тридцать—сорокъ стиховъ“. Свидѣтельство, точность котораго не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, чрезвычайно любопытно. Оно еще разъ показываетъ, что въ идеяхъ Пушкина историческихъ и общественныхъ шло сильное броженіе, далеко не сходное съ тѣмъ какъ бы единообразнымъ тономъ, какой хотятъ видѣть у него новѣйшіе біографы и критики. Извѣстно, что идеи Пушкина о значеніи петровской реформы, составляющей первостепенный вопросъ нашей исторіи за послѣдніе два вѣка, въ послѣдніе годы его жизни значительно измѣнились, между прочимъ подъ вліяніемъ его архивныхъ занятій, когда онъ готовился быть исторіографомъ Петра Великаго. Съ историческими мнѣніями измѣнялись и общественные взгляды Пушкина, между прочимъ на то сословіе, къ которому онъ принадлежалъ, на значеніе тѣхъ старыхъ дворянскихъ и боярскихъ родовъ, которые, по его мнѣнію, подорваны были Петромъ Великимъ или еще Θεодоромъ къ ущербу русской общественной свободы. Пушкинъ впадалъ въ противорѣчіе со своими прежними взглядами и, какъ думаетъ г. Спасовичъ, не одолѣлъ этого противорѣчія.

Мы остановимся еще на рѣчи г. Кирпичникова. Послѣ нѣсколькихъ вводныхъ словъ о значеніи Пушкина и различномъ